

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава сороковая

«Магистраль»

Народ у подножия Олимпа

Устроившись на работу и обзаведясь «мужским койко-местом», я, конечно, помнил о данном мне совете посетить литобъединение «Магистраль», но не очень туда спешил, считая, что литобъединение — что-то вроде кружка самодеятельности, а у меня был замах на кое-что поважнее. Но все-таки в один из четвергов после работы погладил брюки, почистил ботинки и отправился в Москву. Нашел Дом культуры железнодорожников. Перед закрытой дверью в просторном холле уже собрался некий народ, похожий на учеников вечерней школы — от кудрявых горластых юношей до солидного возраста людей с унылыми лицами. Разбившись на кучки, молодые читали друг другу стихи, пожилые слушали без комментариев. Полная женщина с отнюдь не женскими усами декламировала басни, написанные от первого лица, при этом за слона говорила басом, за льва рычала, а изображая кобру, гнусавила и шипела. Нервического вида молодой человек вещал, обращаясь неизвестно к кому:

— Поэт должен приносить людям радость. Я видел домохозяек, которые плакали над моими стихами...

Тут среди собравшихся прошел шум: в холле появился пожилой, как мне казалось (ему было тридцать девять лет), человек в потертом сером пальто, с всклокоченной седоватой прической, в очках с толстыми стеклами. Это был Григорий Михайлович Левин, руководитель «Магистральной». Дверь, у которой мы толпились, он открыл своим ключом и вошел внутрь, артистическим движением метнув портфель на стол. Портфель плюхнулся, поехал, но у самого края остановился. Люди подступили к Левину, который, раскручивая кашне, рассеянно отвечал на вопросы. Протолкался к нему и я, напомнив, что звонил по телефону и вот пришел записаться.

— Записаться?! — удивился Левин, будто я просил его о чем-то немислимом. — А с какой целью? Что вы собираетесь у нас делать?

— Я пишу стихи, — сказал я оробев.

— Пишете стихи? — иронически переспросил Левин. — Неужели пишете стихи? Как это оригинально! Он пишет стихи, — сообщил он окружающим его «магистральцам», и те тут же весьма саркастически по отношению ко мне и угодливо по отношению к Левину захихикали.

Железнодорожник для статистики

— Ну, хорошо, — сказал Левин, протирая очки. — То, что вы пишете стихи, это хорошо. Но у нас все пишут стихи, что я даже не знаю людей, которые стихов не пишут. Но для тех, которые пишут стихи, у нас мест больше нет. Есть места для прозаиков, драматургов, даже для критиков, а для пишущих стихи нет. Конечно, если бы вы имели какое-нибудь отношение к железной дороге...

Я сказал, что имею отношение к железной дороге.

— Какое? — по-прежнему насмешливо спросил Григорий Михайлович. — Ездите на поезде? Встречаете на вокзале родственников? Провожаете?

— Нет. Я работаю путевым рабочим на станции Панки.

— Путевым рабочим? — Григорий Михайлович переспросил с недоверием, переходящим в почтение. Да и золотая молодежь рассеянно притихла. — Вы без шуток путевой рабочий? Так вы бы с этого и начали! Тогда вы нам очень нужны для статистики. Меня начальство постоянно корит, что у нас в ЦДКЖ мало железнодорожников. Оставляйте. Но сегодня я с вами поговорить не смогу, а завтра приходите в «Литературную газету». Я там временно заменяю Огнева.

Кто такой Огнев, я не знал, однако Левин сообщил о временной замене собой этого человека с гордостью, которая побудила меня предположить, что Огнев это очень большой человек, может быть, даже больше самого Левина.

— Приходите, — повторил Левин, — приносите стихи. Почитаем, подумаем, поговорим... Друзья мои, — обратился он уже ко всем. — Прежде чем начнем сегодня работать, сообщаем вам о наших успехах.

«Хочешь в коммунизме жить? Живи!»

И Левин стал перечислять успехи.

У одного в многотиражной газете завода «Серп и молот» напечатаны четыре стихотворения, у другого — два в газете «Труд», третий в прошлую среду читал отрыв-

ки из своей поэмы по радио, а стихи сразу шести членов объединения отобраны для сборника «День поэзии». Левин называл фамилии, некоторые из них были мне известны: Эльмира Котляр, Игорь Шаферан, Нина Бялосинская, Дина Терещенко — их стихи с предисловиями известных поэтов я читал недавно в «Литературной газете».

Перечислив достижения, Левин назвал поэтессу, которая сегодня будет читать стихи. Имя поэтессы было мне тоже знакомо. Я читал в газете, что она фронтовичка, хорошо знает жизнь, что видно по ее стихам. Видимо, в «Магистральной» она пользовалась большим уважением. Когда она вышла к столу, зал почтительно притих.

Поэтесса заговорила негромко, сдерживая очевидное волнение.

— Вчера я была на станции Москва-Сортировочная... В бригаде, где рабочие взяли на себя обязательство жить и трудиться по-коммунистически... Не в отдаленном будущем, а прямо сегодня, сейчас!.. Вы понимаете, самые обыкновенные на вид люди, а поставили перед собой такую задачу!.. Я поняла, что не могу не откликнуться на то, что увидела. Стихи сложились сами собой. Придя домой, я их записала...

Сначала я подумал, что поэтесса шутит. Я сам работал в бригадах, принимавших на себя пустые, сочинявшиеся парткомами, обязательства. Парторг давал их рабочим подписывать, а что потом с ними делал — отсылал в райком или выкидывал на помойку, — не известно... Я подумал: если поэтесса фронтовичка, значит, о реальной жизни какое-то представление имеет. Если она всерьез ве-

Поэтесса читала вполголоса, с домашней интонацией. Из ее стихов выходило, что все очень просто. Коммунизм недалеко. До него можно доехать на трамвае. Сел, доехал, а там люди, которые уже сегодня живут, трудятся и любят, как при коммунизме. Я задумался. Если они живут, как при коммунизме, значит, живут хорошо, а как они «любят по-коммунистически»? Чтобы вообразить это, я был, видимо, слишком целомудрен.

рит в эти обязательства, значит, они отличаются от тех, которые мне приходилось принимать.

Поэтесса читала вполголоса, с домашней интонацией. Из стихов выходило, что все очень просто. Коммунизм совсем недалеко. До него (то есть до станции Москва-Сортировочная) можно доехать на трамвае. Сел, доехал, а там люди, которые уже сегодня живут, трудятся и любят как при коммунизме.

Я задумался. Ну, если эти люди живут, как при коммунизме, значит, живут хорошо, не в телячьих вагонах, а, по крайней мере, в пассажирских. Как они «любят по-коммунистически»? Чтобы вообразить это, я был, видимо, еще слишком целомудрен. А вот как это — «работать по-коммунистически»? Я, конечно, классиков марксизма-ленинизма практически не читал, знания мои об этом предмете были очень приблизительны, но я себе представлял, что уж при коммунизме-то люди будут работать поменьше. Немного по способности человек потрудился, а там руки отряхнул, душ принял и наслаждается общением с книгой, музыкой, семьей, друзьями, природой. А по стихам выходит, что работать при коммунизме надо еще больше, чем раньше. Хотя куда больше? Я, молодой, здоровый человек, сюда еле ноги приволок, а если буду работать еще больше, то и вовсе не доползу.

Стихи заканчивались простым вопросом и таким же простым ответом: «Хочешь в коммунизме жить? Живи!»

Разговор тет-а-тет

Началось обсуждение. Вышел к столу взволнованный молодой человек в очках. Я подумал: ну сейчас он ее раскритикует.

— Прощу простить, — начал он, — если моя речь будет не очень гладкой. Мы только что услышали стихи, после которых хочется не говорить, а молчать и думать. То, что мы услышали, это больше, чем стихи. Это... даже не знаю, как выразиться... То есть я, разумеется, читал о создании подобных бригад, но мне такое событие, при всем политическом значении, не казалось достойным поэтического отклика. Нужен был взгляд человека, который не только сам умеет в малом увидеть великое, но и наш взгляд повернуть в ту же сторону. Как бы на этот факт откликнулись наши присяжные стихоплеты? Сочинили бы казенные вирши с дежурными рифмами, вроде «призма-коммунизма», «дали-стали», и так далее... А тут до предела открытый, доверительный, я бы даже сказал, исповедальный разговор с читателем. Разговор тет-а-тет. Без всякой патетики. Интонация самая бытовая, но в нее вплетается ритм идущее-

го по рельсам трамвая. Это, я позволю себе выразиться красиво, ритм жизни и ритм правды. По-моему, Нина, — обратился он к поэтессе, — это твоя большая поэтическая удача, и я тебя от всей души поздравляю.

Поэма экстаза

Другой оратор был покрупнее объемом. И слова его звучали весомей.

— Трамвай, о котором эти стихи, — сообщил он, — тот самый трамвай, на котором я каждый день еду на работу. Он страшно гремит. Он обшарпанный. Пассажиры, как сельдей в бочке. Я всегда наступаю кому-то на ноги, и мне наступают. И я вижу перед собой только озабоченные, иногда даже злые лица. Для того, чтобы я посмотрел на этих людей другими глазами, мне понадобилось слово, сказанное поэтессой.

— Не поэтессой, а поэтом, — правили его.

— Прощу прощения, — согласился он. — Я сам ненавижу это жеманное слово. Так вот, поэт увидел то, чего мы сами не замечаем... Я не припомню ничего похожего в современной поэзии. Здесь слышится что-то балладное, может быть, идущее от Жуковского... А, может быть, тут даже стоит поискать музыкальные аналогии, нечто скрябинское, напоминающее начальные аккорды «Поэмы экстаза»...

Вскочил еще кто-то и сравнил стихи Нины с живописью Платова и Дейнеки. В дискуссию вступили и остальные «магистральцы». Я увидел, что все они без труда отличают ямб от хорея и анапест от амфибрахия. Анализируя стихи своего товарища, читают на память другие стихи, прыгая от Пушкина к Баратынскому, от Багрицкого к Антокольскому, а то и до Катюлла с Овидием добираются. И при этом употребляют слова, которых я за всю жизнь ни разу не слышал: «детерминированный», «инфернальный», «имманентный»...

Я вышел из ЦДКЖ потрясенный, думая: куда ж я попал! В армии и вообще везде, где бывал до этого вечера, я числился среди самых эрудированных и умных, а теперь понял, что я просто невежда. И если эти образованные люди, знающие точно, что такое коммунизм и как надо писать, довольствуются членством в литературном кружке и радуются публикации маленького стихотворения в многотиражке завода «Серп и молот», то на что же я замахнулся?!

Возвращаясь в тот вечер на электричке в свой вагончик у платформы Панки, я подумал, что совершил чудовищную ошибку. Меня обуяло паническое желание бежать из Москвы.

Продолжение следует